

На правах рукописи

Савенкова Елена Сергеевна

**СИСТЕМА ВТОРОСТЕПЕННЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ РОМАНА
Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ» В КОНТЕКСТЕ
ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ**

Специальность 10.01.01 – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Нижний Новгород – 2006

Работа выполнена в ГОУ ВПО «Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского» на кафедре русской литературы

Научный руководитель: доктор филологических наук, доцент
Уртминцева Марина Генриховна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Кондратьев Борис Сергеевич

кандидат филологических наук, доцент
Живолупова Наталья Васильевна

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Томский государственный университет»

Защита состоится 9 ноября 2006 года в 13 часов на заседании диссертационного совета Д. 212.166.02 при ГОУ ВПО «Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского» по адресу: 603000, г. Нижний Новгород, ул. Б. Покровская, 37, зал заседаний Ученого совета.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского по адресу: 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23, а также на сайте университета <http://www.unn.ru>

Автореферат разослан _____ октября 2006 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук _____ Л.В. Рацибурская

Реферируемая работа посвящена изучению поэтики романа Ф.М. Достоевского «Идиот». Анализ структуры художественного текста, изучение взаимосвязи всех его элементов в контексте литературной традиции – важнейшая задача современной науки.

Степень изученности. Проблема изучения литературного произведения как системы в современном литературоведении является дискуссионной. Под системой понимают некое единство, образованное совокупностью элементов, функционирующих как художественное целое. Помимо свойства связности следует также отметить иерархичность как важнейший признак системы. Однако понятие «системы персонажей» до сих пор не получило развернутого теоретического описания. Эта проблема связана со сложностью определения содержания основных литературоведческих терминов – «герой», «персонаж», «характер», «тип», которые важно четко разграничивать. Под «персонажем» целесообразно понимать любое лицо, которое получает в произведении статус объекта описания (в литературном тексте), то есть «сочиненное лицо» (Фарино 2004). При этом персонаж может быть отличим от литературного героя по степени участия в действии как второстепенное действующее лицо и как субъект высказываний, не доминирующих в речевой структуре произведения.

По мнению исследователей, система персонажей – художественно целенаправленная соотнесенность всех «ведущих» героев и всех так называемых «второстепенных» действующих лиц в литературном произведении. Через систему персонажей выражается единое авторское представление о человеке в его взаимоотношениях с природой, обществом и историей, а также представление художника о типах человека – в связи с различиями рас, национальностей, сословий, профессий, темпераментов, характеров, социальных ролей, психологических установок и идеологических позиций (Тамарченко 1997). Сложность системы персонажей зависит от сложности самого текста, в котором может быть несколько групп персонажей, и каждая из этих групп связана различными

взаимоотношениями с остальными лицами (Томашевский 1996). Для подобных произведений характерен так называемый «коллективный герой» – группа равнозначных персонажей, одинаково важных для воплощения авторского замысла (Sierotwinski 1966).

Вопрос об особенностях системы персонажей Достоевского затрагивается литературоведами прежде всего в связи с романом «Преступление и наказание». Большинство исследований базируется на мысли о том, что второстепенные персонажи в некоторой степени представляют собой разные я главного героя (Буянова 2002; Пумпянский 1994). Изучение системы персонажей сквозь призму одного центрального образа проводится и на основе последнего романа Достоевского «Братья Карамазовы» (Фарино 1991).

Исследование системы персонажей в романе «Идиот» представляется ученым наиболее трудным (Касаткина 2004). Применение принципов «магистрального сюжета» и центростремительных сил, характерных для моноцентричных произведений Достоевского, при анализе системы персонажей в романе «Идиот» нередко приводит к упрощению группировки действующих лиц – к разделению персонажей на князя Мышкина и остальных (Фридлиндер 1964). Однако многие исследователи, признавая сложность поэтики «Идиота», отступают от принципа исключительности центрального героя и рассматривают идейно-композиционную структуру романа с точки зрения определенного сочетания «идеологических» голосов (Бахтин 1972), ряда сюжетных и идейных центров (Опитц 1980), группировки образов по характеру творческой самореализации и степени экзистенциальности (Померанц 1990; Якубова 1981). «Коллективный герой» создается на основе «иконописного» и «библейского» принципов создания «метатекста» романа (Бурдина 1998; Степанян 1998). В диссертационном исследовании системы второстепенных персонажей романов Достоевского рассматриваются только шутовские персонажи «Идиота» (Цвиркун 1990).

Следует отметить, что в современной науке есть опыт построения типологий образов Достоевского (Криницын 1995; Одинокоев 1981). Однако они не отражают в полной мере особенностей художественного мира писателя. Предпринята единственная попытка обширной типологии художественных образов-лейтмотивов Достоевского (Гроссман 1959) и «специализированные» типологии, посвященные шутовским персонажам (Злочевская 1983; Клейман 1985; Нельс 1972).

Актуальность исследования. В настоящее время в отечественном литературоведении отмечена активность в изучении романа «Идиот». «Вечный» образ «положительно прекрасного человека» вызывает ожесточенные дискуссии исследователей, однако существующие интерпретации не проясняют глубины авторского замысла. Сомнения вызывает не только «первоначальная очевидность» авторского замысла, но и само наличие его. Правомерным оказывается вопрос о том, как следует понимать неоднократную запись в черновиках писателя: «князь Христос» и как можно оценить смысл финальной сцены романа. Неисчерпаемость загадочного образа Мышкина требует обращения к различным аспектам произведения. Типы героев романа образуют сложную систему персонажей, функционирующую как самостоятельно, независимо от образа центрального героя, так и приходя с ней в соприкосновение: каждый тип в своей структуре содержит «память» о какой-либо литературной традиции.

Пересмотр существующих типологий персонажей Достоевского и включение системы персонажей в литературный контекст обусловлено тем, что роман «Идиот» испытывал на себе влияние различных направлений и жанров: интерес писателя к проблеме нравственного идеала в значительной степени сформирован канонами русской классической литературы. Целостное исследование системы второстепенных персонажей, изучение ее функционирования в романе с точки зрения жанрового и мотивного контекста всей классической русской литературы вплоть до середины XIX

века, а также создание типологии героев Достоевского – важная историко-литературная и теоретическая проблема современного литературоведения.

Проведенное в диссертационной работе исследование уточняет авторскую концепцию романа «Идиот» о «положительно прекрасном человеке» и дает основание для более углубленного практического и теоретического исследования поэтики русского романа второй половины XIX века.

Объектом исследования является роман Ф.М. Достоевского «Идиот» в предшествующем ему литературном контексте.

Предметом исследования являются системные связи, существующие между персонажами романа. В систему входят персонажи, действующие в философско-символическом пространстве «Идиота» и определяемые в данной работе как второстепенные (первого и второго плана) по отношению к центральному образу князя Мышкина. Под персонажами первого плана мы понимаем персонажи, определяемые многими исследователями как главные герои романа «Идиот»: образы Рогожина, Настасьи Филипповны, Аглаи, Ипполита (Скафтымов 1972), однако в данной работе нам кажется правомерным отнести эти образы к второстепенным, подчеркивая тем самым общность системных связей между ними по отношению к центральному герою «Идиота». На различных уровнях поэтики романа рассматриваются особенности взаимодействия героев, обусловленные принципами мотивного и жанрового синтеза в структуре художественного произведения.

Цель данной работы заключается в том, чтобы доказать существование системных связей между типами персонажей романа «Идиот», каждый из которых функционирует в русле определенной литературной традиции. В соответствии с поставленной целью, в работе решаются следующие **задачи**:

– доказать, что организация повествования по центробежному принципу в структурном отношении представляет собой три концентрических круга образов героев, выделяемых нами на основе следования определенной литературной традиции;

– дать обоснование типов образов второстепенных героев первого плана, рассмотрев их в контексте мотивов и жанров древнерусской литературы как героев-богоборцев;

– доказать типологическое единство образов героев-«шутов», проанализировав их в функции авторов апокрифических текстов;

– установить сюжетно-композиционную роль типа героев-«резонеров», исследовав его в контексте русской литературы первой половины XIX века.

Материалом исследования послужили романы и публицистика Ф.М. Достоевского, древнерусские тексты (апокрифы Пролога, житийная литература, духовные стихи, маририи), тексты русской классической литературы первой четверти XIX века (комедия А.С. Грибоедова «Горе от ума», баллада А.С. Пушкина о «рыцаре бедном», роман М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»), художественные тексты зарубежной литературы (роман М. Сервантеса «Дон Кихот Ламанчский», роман Ж.-Ж. Руссо «Исповедь»).

Методология исследования обусловлена поставленными в диссертации целью и задачами. Они предполагают необходимость использования системного подхода, согласно которому внутренняя организация произведения предстает как органический синтез структурно-функциональных и генетических представлений о художественном объекте. В тексте анализируются авторская позиция, литературные традиции и реальность в их неразрывном единстве. Системный подход представляет собой совокупность методов, объединенных общностью принципов (целостности, иерархичности, множественности описания и др.).

Методология работы представлена активным использованием биографического, сравнительно-исторического методов, приемов рецептивной эстетики. В исследовании учитываются магистральные традиции отечественного литературоведения в связи с историей культуры и религии.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту:

1. Персонажи романа Ф.М. Достоевского «Идиот» образуют определенную систему, позволяющую исследовать оценочное поле центрального героя.
2. Второстепенные персонажи первого плана представляют собой тип героя-богоборца, функция которого – иллюстрация искажения религиозных представлений современного Достоевскому русского общества на примерах искажения и «снижения» канонов древнерусских художественных текстов.
3. Для романа Достоевского продуктивным является тип «шута-юродивого», чья основная функция в идейно-композиционном строении произведения – создание текста о центральном герое в жанре апокрифа.
4. Круг второстепенных персонажей (второго плана), образуемый героями эпилога, представляет собой общность героев-«резонеров», которые раскрывают сущность образа «положительно прекрасного человека» в контексте мотивов русской классической литературы первой половины XIX века.
5. Система второстепенных персонажей является носителем авторской концепции центрального образа романа. Она раскрывает «ведомость» образа Мышкина, который постепенно утрачивает в романе идейную активность.

Научная новизна данного исследования заключается в том, что в нем предпринята попытка системного анализа мотивных и жанровых традиций романа «Идиот», в русле которых были созданы образы персонажей. В настоящее время в литературоведении отсутствуют монографии, в которых предметом исследования являлось бы всестороннее изучение поэтики романа Достоевского в связи с системой образов-персонажей, включающей в себя персонажей, второстепенных по отношению к центральному герою.

Новизна данного исследования заключается также в обосновании нетрадиционных подходов к построению системы персонажей романа. Выбор второстепенных персонажей в качестве точек отсчета позволяет иначе взглянуть на фигуру князя Мышкина и, тем самым, приблизиться к разгадке авторского замысла. Инновационен отход в нашей работе от центростремительного к центробежному принципу исследования текста, что обусловлено типом построения самого романа.

Практическая значимость исследования заключается в том, что в ней предложен алгоритм исследования художественной структуры романа на различных уровнях его внутренней организации. Это дает возможность использовать концепцию диссертации и ее основных положений в дальнейшем изучении поэтики русского романа второй половины XIX века. Результаты исследования могут быть использованы при подготовке общих лекционных и специальных курсов по истории отечественной литературы XIX века в вузе, в практике преподавания творчества Достоевского в средней школе.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что в ней исследуется структурная модель русского социально-философского романа, рассматривается проблема традиций и новаторства в творчестве русского писателя, задается алгоритм построения типологии героев художественного произведения.

Апробация работы. Основные проблемы, рассматриваемые в диссертационном исследовании, были обсуждены на всероссийских, региональных конференциях (VIII Нижегородская сессия молодых ученых «Голубая Ока», 2003; международная научная конференция «Жизнь провинции как феномен духовности», 2004; ежегодная международная конференция «Грехневские чтения», 2005; международная научная конференция «Провинция как феномен духовности», 2005; всероссийская научная конференция «Русско-зарубежные литературные связи», 2006) и нашли отражение в публикациях по теме диссертации, использовались

автором при проведении практических занятий по истории русской литературы XIX века в Нижегородском государственном университете. Основные положения диссертации отражены в 8 публикациях.

Структура диссертационного исследования определяется поставленной целью и задачами. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, библиографического списка. Основной текст диссертации изложен на 146 страницах, список литературы содержит более 200 источников.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** представлена степень изученности темы, обосновывается актуальность работы, научная новизна, объект и предмет исследования, определены цели и задачи, методология, материал исследования, практическая и теоретическая значимость, освещена апробация работы, сформулированы основные положения диссертации, выносимые на защиту.

Глава первая «Типы героев-богоборцев в контексте древнерусской религиозной книжности» посвящена изучению роли канонов древнерусской литературы. Обращение к различным жанрам и мотивам религиозной книжности обусловлено тем, что в них представлены различные интерпретации образа народного Христа. В романе Достоевский создал образы героев-богоборцев (второстепенные персонажи первого плана), нашедших «своего» Христа – Мышкина. В **первом параграфе «Роль мифического хронотопа в раскрытии образа Рогожина»** рассматриваются функции мотивов «Домостроя» – допетровской системы семейных отношений и способов познания мира, в отношении к которым раскрываются богоборческие идеи, связанные с образом Рогожина. Так, мистический образ отца накладывается в представлении героя на образ «юродивого» Мышкина, которого Парфен пытается «победить», подчинить своей воле. Анализ особого мистического хронотопа (кладбища), в котором функционирует рассматриваемый художественный образ, позволяет судить не только о

присущей Рогожину «хтоничности», но и о переосмыслении в этом образе апокрифического сюжета «Хождение Богородицы по мукам». Достоевский переносит место событий апокрифа (ад) в реальное пространство своего романа, чтобы поставить героев в экспериментальную ситуацию в духе так называемой «малой эсхатологии» (сюжет предвосхищения Страшного Суда приходом Христа в «текущем настоящем») и, тем самым, раскрыть перед читателем амбивалентную природу божественного воздаяния. Рогожин предстает одновременно и как богоборец, взявший на себя карательную функцию, и как жертва, слепое орудие судьбы. Исследование функций библейских и апокрифических мотивов в образе Рогожина позволяет сделать вывод о том, что этот образ может быть интерпретирован как символ духовного прошлого России, персонификация идеи богоборчества в духе религиозных исканий русского средневековья. Идеино-художественная роль образа Рогожина заключается в том, что он символизирует прошлое страны, «уходит» от корней, «бунтует» против жизненного уклада своих предков. Он «вне» тех нравственно-философских исканий, которыми озабочен Мышкин.

Во **втором параграфе «Сектантский Христос Настасьи Филипповны»** образ героини рассматривается сквозь призму сектантских мотивов, а финальная сцена первой части «Идиота» анализируется как пародия на ритуалы хлыстовских радений. В подтексте указанной сцены звучат мотивы древнерусской литературы, связанные с псалмической традицией. Во время игры героев в пети-жѐ мы наблюдаем переворот в душе Настасьи Филипповны, заданный во временных категориях: он ознаменован осознанием греховности прошлого, отказом от «безобразного» настоящего и надеждой на духовное преображение в будущем. Однако внутренняя форма псалма в сцене именин подвергается значительной редукции: Настасья Филипповна, отрекаясь от греховного прошлого, впадает в другой грех – решает стать «рогожинской», бунтуя, таким образом, против мировой несправедливости. Покаяние Барашковой оборачивается самоутверждением, исповедь – отповедью. Этот парадокс в сознании героини, искажение

истинной религиозности, позволяет автору косвенно указать на несостоятельность ее мировоззрения, в частности – на неадекватное восприятие образа Мышкина, который мыслится ею как божество. Также Достоевский проводит в образе Настасьи Филипповны мысль о том, что богоискательство, оторванное от истинной (православной) веры, оборачивается утверждением собственного богоподобия.

В третьем параграфе «Легенда о «рыцаре бедном» в интерпретации Аглаи Епанчиной» рассматривается функция пушкинской цитаты в «Идиоте», которая выступает в роли ключа к образу Аглаи Епанчиной. Сцена декламации баллады А.С. Пушкина является частью надсюжетного философского диалога героини с Мышкиным о романтическом каноне красоты, в котором Аглая (вслед за автором) интерпретирует образ князя сквозь призму западной культурной традиции: для героини князь – одновременно и «рыцарь бедный»¹ крестовых походов, и Дон-Кихот Ламанчский. Бытование пушкинского текста в «Идиоте» в усеченном варианте позволяет говорить об оригинальной трактовке этого сюжета Достоевским: за «рыцарем бедным» стоит образ Христа в куртуазной, секуляризированной традиции Западной Европы. Баллада Пушкина выполняет в данном контексте задачу травестийного снижения жанра духовных стихов – народной религиозной поэзии. Отказ Аглаи от принципов православной веры отражается в двусмысленном отношении героини к тем «духовным» стихам, которые она декламирует. В этой сцене автор подспудно проводит мысль о несостоятельности мировоззренческих установок младшей Епанчиной: она не «укорена» ни в православии, ни в католицизме, и поэтому пытается утвердить себя как божество («идол»).

В четвертом параграфе «Традиции маририя в образе Ипполита» анализируется рукопись Ипполита – важнейшее средство идейного раскрытия художественного образа этого героя. Сочинение Ипполита

¹ Несмотря на то, что образ «рыцаря бедного» взят из стихотворения А.С.Пушкина, то есть из русской литературы, мы сочли возможным говорить здесь о европейской культурной доминанте его функционирования в романе Ф.М.Достоевского.

воплощено в форме публичной исповеди – жанра, изначально неадекватного самому себе по внутренней сущности, так как исповедь, по своей природе, интимна. Противоречивость исповеди проявляется и при сопоставлении ее формы и содержания с принципами древнерусского жанра маририя (разновидности жития, описывающего смерть святого). В рукописи Ипполита происходит десакрализация, прозаизация библейских мотивов («источники жизни», «источники смерти»), житийные мотивы травестируются. Сохраняя традиционную канву сюжета (обстоятельства смерти) и цели маририя – назидательность и занимательность, объяснение христианских реликвий (в исповеди Ипполита этому служит обращение к апокалипсическим образам и картине Гольбейна), Достоевский полностью изменяет образ автора и объект повествования. Так, в этом «маририи» образ святого мученика замещается антигуманным образом Наполеона; образ Бога (Христа) – образом Мышкина, «паточной душонки». Достоевский создает ложный «маририй», цель которого – дать развернутую иллюстрацию философских заблуждений Ипполита, его богоборческих идей в рамках нигилистических установок. Князь мыслится Ипполитом как хриstopодобное существо, «учитель», с которым герой готов вступить в «конкурентную» борьбу.

Итак, исследование образов четырех персонажей романа (Настасьи Филипповны, Рогожина, Аглаи Епанчиной и Ипполита) позволяет выделить их в определенную группу героев-богоборцев (по характеру отношения каждого к Мышкину). Объединяющее начало выражено в том, что каждый из них по-своему искажает образ Бога, пытается себя поставить на его место. В основе устных и письменных высказываний рассмотренных нами персонажей первого плана можно отметить мотивы древнерусской литературы. Писатель, опосредованно демонстрируя читателю искажение внутренней формы какого-либо древнерусского мотива или жанра в образе того или иного героя, демонстрирует и отказ каждого от основ православия в пользу «враждебных» ему, с точки зрения писателя, конфессий (сектантства,

католицизма, нигилизма). Согласно замыслу Достоевского, люди из различных слоев современного ему общества воспринимают веру искаженно и далеки от истинной христианской веры, что и приводит их к стремлению идейно «доминировать» над другими. Попытки богоборчества героев в отношении князя оборачиваются тем, что не Мышкин влияет на этих людей, а, напротив, они разрушительно воздействуют на философию центрального героя. Так, с помощью системы второстепенных персонажей первого плана автор опосредованно проводит мысль о неправомерности отождествления человека с Богом, а именно князя Мышкина – с Христом.

Во второй главе **«Герои-шуты как создатели цикла «апокрифов» о Мышкине»** рассматривается круг персонажей-«шутов» (второстепенных персонажей второго плана) – Фердыщенко, Келлера, генерала Иволгина и Лебедева, – расставленный автором вокруг образа Мышкина. Объединяющим их началом является то, что каждый создает о Мышкине свой письменный или устный текст. В первом параграфе **«Игра пети-жё как ситуация мифотворчества»** анализируются функции образа Фердыщенко, инициирующего игру в пети-жё в сцене именин Настасьи Филипповны. Историю героя о своем постыдном проступке следует рассматривать не только как сюжетную реминисценцию из романа Ж.-Ж. Руссо «Исповедь» (эпизод со служанкой Марион), но и как полемику с руссоистской идеей просвещения. В подтексте истории Фердыщенко звучит мысль о том, что даже самый праведный человек (в данной ситуации – Мышкин) хотя бы раз в жизни совершает грех, а если нет этого греха, то стоит его придумать, ибо «всякий пред всеми за всех и за все виноват». В итоге, устный текст Фердыщенко может рассматриваться в качестве апокрифа о Мышкине как о Христе (то есть праведнике в народной религиозной традиции). Этот апокриф посвящен «узнаванию» в наивном князе («идиоте») хриstopодобной личности.

Во втором параграфе **«Памфлет Келлера как откровение о герое»** рассматривается мотивная структура провокационного письменного текста о

жизни князя Мышкина. В статье Келлера обнаруживаем «швейцарские» мотивы, парадоксально связывающие темой духовного и социального одиночества (сиротства) автора публикации и «чужестранца» Мышкина. Эти мотивы отсылают читателя к собственно литературным проблемам (роль романтизма и сентиментализма в современной Достоевскому отечественной литературе), к обсуждению общественно-политических вопросов (о жизнеспособности идеи просветительства, гуманизма, оправданности европейских революционных движений), что демонстрирует нерасторжимое единство задач художественной литературы и обличительной печати 60-х гг. XIX века в представлении Достоевского. Публичное чтение пасквильной статьи и логически следующий за ним откровенный диалог героев о «двойных мыслях» создают особое оценочное поле образа главного героя, который можно рассматривать как еще один вариант «апокрифа» о Мышкине. В нем князь мыслится в духе народных традиций - как блаженный, юродивый, «идиот». Сюжет памфлета может интерпретироваться как начало процесса духовной миссии праведника в родном отечестве: сначала «идиот» в роли «чужого» отвергается в России, претерпевает гонения, но постепенно обретает и Родину, и верных последователей.

В третьем параграфе «Роль притчи-параболы в создании апокрифа о Мышкине» исследуются жанровые принципы построения вымышленных историй генерала Иволгина. Анекдоты о Колпакове и о Наполеоне рассматриваются как притчи-параболы, посвященные проблеме духовного завещания старшего поколения – младшему и «реабилитации» отца в глазах сына, то есть осмыслению сакральной темы христианства – взаимоотношений Бога-отца и Бога-сына (преодоление последним духовного одиночества и обретение поддержки наставника). В историях Иволгина значительна роль не только религиозных (библейских), но и литературных мотивов (например, цитирование классической русской поэзии и полемика с романом-эпопеей Л.Н. Толстого в изображении Наполеона («Война и мир»)).

В четвертом параграфе «Образ Лебедева как код чтения «персональных» текстов» рассматривается образ Лебедева – своеобразный сюжетный «центр» данной группы персонажей, выполняющий по отношению к рассмотренным выше героям-шутам интегрирующую функцию.

Мотивами кражи этот образ связывает образы Фердыщенко, Келлера и генерала Иволгина, что позволяет сделать вывод о «юродской» составляющей в поведении и характере каждого названного героя. Образ Лебедева также является тем «кодом», с помощью которого устные и письменные тексты, создаваемые данными персонажами, прочитываются как цикл «апокрифов» о Мышкине-Христе. Толкуя Апокалипсис и предрекая второе пришествие «князя Христа», Лебедев моделирует отношения между Мышкиным и другими героями как мистический приход мессии в мир грешных людей.

Функция этого цикла апокрифов заключается в развенчании представлений о Мышкине как о недосыгаемом божестве, которыми «соблазняются» некоторые герои «Идиота». Восприятие князя персонажами-шутами оказывается гораздо ближе авторскому замыслу, чем позиции героев, рассмотренные нами в предыдущей главе. В сознании «шутков» мы наблюдаем некое «снижение» образа «князя Христа»: он не равен Богу, но поставлен в положение непосредственного слуги Бога. Поведение шутковских персонажей в «Идиоте» призвано подвергнуть осмеянию (и, соответственно, переосмыслению) отношение Настасьи Филипповны, Аглаи, Рогожина и Ипполита к Мышкину как к Искупителю.

Достоевский выстраивает определенную структуру повествования, создавая комбинацию «вставных» текстов. История Фердыщенко об «укравшем праведнике» ложится в основу «мифа о Христе», представляет ситуацию «узнавания» Христа среди людей. В статье Келлера и в беседе с Мышкиным о «двойных мыслях» эта идея получает развитие: показывается предыстория главного героя, задается мотив гонения и последующего

признания праведника. В историях Иволгина намечается переломный момент: духовная встреча Отца и Сына. Наконец, в своих монологах Лебедев предрекает будущее второе пришествие «князя Христа», ибо толкует Апокалипсис.

В третьей главе **«Функции героев-«резонеров» и их сюжетная мотивация»** рассматриваются семь персонажей второго плана (Александра и Аделаида Епанчины, Лизавета Прокофьевна, Вера Лебедева, Радомский, князь Щ., Коля Иволгин), которым автор уделяет особое внимание в финале романа. Сюжетная роль названных героев связана с интерпретацией образа Мышкина как простого смертного.

В первом параграфе **«Сценическое амплуа и его роль в структуре художественных образов романа»** анализируются функции образов Радомского и князя Щ. Как варианты амплуа, заданные в пьесе А.С. Грибоедова «Горе от ума», Достоевский создает образы «сценических резонеров» в условиях эпического произведения. Такое функционирование образов Радомского и князя Щ. в романе опосредованно раскрывает этический потенциал Мышкина, позволяет увидеть в образе князя «аристократа духа», каким его видит автор, и при этом избежать идеализации центрального героя.

Во втором параграфе **«Деромантизация красоты и мотивы романа воспитания в «Идиоте»** рассматриваются мотивы романа воспитания при создании образов Коли Иволгина и Елизаветы Епанчиной. Вводя «детскую» тему в ткань сюжета автор исследует путь нравственного становления Мышкина. Используя реминисценции из драмы «Маскарад» и романа «Герой нашего времени», Достоевский таким образом выражает сомнение в том, что князь достиг настоящей духовной зрелости: из-за романтического мировидения и ложных этических принципов он разрушает свои любовные отношения.

В третьем параграфе **«Функции мотива Мадонны»** доказываем, что функционирование второстепенных женских образов в «Идиоте»

подчинено движению мотива Мадонны. Поэтический образ Богородицы в балладе Пушкина подкрепляется живописным образом Гольбейна-младшего. Художественные принципы взаимодействия литературного и живописного мотивов позволяют Достоевскому раскрыть противоречивую суть образа Мышкина, его несостоятельность в любовных отношениях и невозможность самореализации в России. Появление «Дармштадской Мадонны» Гольбейна, сотворенной Достоевским словесно в начале второй части романа, то есть уже после «обольщений» Мышкина (попытки жениться на Настасье Филипповне и записки Аглае), служит, по мысли автора, сигналом опасного заблуждения князя: искусство и жизнь не одно и то же, между ними пролегает непреодолимая черта. Герой подменяет «портрет» «иконой», человека божеством, что приводит его к финальной катастрофе. Благодаря мотиву Мадонны Достоевский организует в романе провокационную проверку Мышкина: насколько сильна его религиозная вера, что такое для него Бог и что такое человек. Автор переводит отношения князя с героинями из области любовной интриги в область философскую и раскрывает суть сомнений и заблуждений Мышкина, который не всегда способен адекватно разграничить в личности «человеческое» и «божественное» начало, искусство и жизнь.

Итак, с помощью семи персонажей финала романа Достоевский вводит образ Мышкина в контекст русской литературы первой половины XIX века. Автор выстраивает концепцию «положительно прекрасного человека» не как «мессии», а простого смертного. Семь персонажей представляют собой тип героя-«резонера», отражающего авторское отношение к образу Мышкина. Взаимоотношения князя и данных персонажей не являются с точки зрения сюжетообразования значимыми, поэтому они не «перебивают» дурного влияния героев первого плана на жизнь Мышкина. Однако именно с их функциями связано раскрытие духовной красоты центрального образа.

В **Заключении** мы приходим к выводу о том, что система персонажей может быть представлена в виде трех концентрических кругов, каждый из которых определенным образом соотношен с образом князя Мышкина.

Первый круг – самый близкий к образу Мышкина – образуют второстепенные персонажи первого плана: Настасья Филипповна, Аглая, Рогожин и Ипполит. Исследование романа в контексте традиций древнерусской литературы (жанровых особенностей жития, мартирия, псалмов, духовных стихов) позволяет отнести этих героев к типу героя-богоборца. С ними князь непосредственно взаимодействует на протяжении всего романного действия, однако именно поэтому финал произведения оказывается трагическим: восприятие этими героями фигуры Мышкина как воплотившегося Христа губительно действует на князя.

Второй круг персонажей образуют второстепенные персонажи второго плана – «шуты»-юродивые. В созданной нами типологии эти герои определяются как сочинители своеобразного «цикла апокрифов» – «персональных» текстов о Мышкине как о юродивом Христе. Взаимодействие с ними князя является менее тесным, но все же значительным и подчеркивает юродскую линию поведения Мышкина.

В третий круг входят семь персонажей второго плана, которых мы определяем как «резонеров» и которые наиболее «удалены» сюжетно от центрального образа. Объединяющим началом в этой типологии служат мотивы и сюжетные ситуации русской литературы первой половины XIX века. Влияние героев-«резонеров» на князя выражено в романе неявно, однако оно и является наиболее благотворным и выявляет авторскую позицию, согласно которой образ Мышкина мыслится не как воплощенный Христос или святой, а как простой человек, стремящийся жить по заповедям Бога, то есть «положительно прекрасный человек», с присущими ему человеческими слабостями и недостатками.

Обнаруживая подобную систему второстепенных персонажей, мы вправе утверждать, что следует уточнить то отношение к центральному

герою и его идейно-композиционным функциям, определенным современным литературоведением. Как Мышкин воздействует на окружающих его людей, так же происходит и обратное действие: в силу обостренной душевной восприимчивости, князь пытается реализовать те «заказы», которые поступают к нему «извне». Трагический финал произведения, по-видимому, является авторским указанием на отсутствие у героя «божественных» полномочий, на его беспомощность и «ведомость» в некоторых жизненных ситуациях. Мышкина губят «помыслы» самых близких князю людей – четырех героев, рассмотренных нами в первой главе. Но метафизический оптимизм развязки романа сохраняется благодаря присутствию в эпилоге «периферийных» персонажей, которые, однако, являются опосредованными носителями авторского знания о герое и его нравственном потенциале. Перспективы работы связаны с разработкой адекватной интерпретации центрального образа романа «Идиот», а также с дальнейшим изучением системы персонажей, проверкой правомерности предложенного нами подхода к изучению систем персонажей в других романах Достоевского.

**Основные положения диссертации отражены в следующих
опубликованных работах:**

Статьи, опубликованные в изданиях, аккредитованных ВАК

1. Савенкова, Е.С. «Швейцарские мотивы» в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» (к проблеме современной интерпретации образа князя Мышкина) / Е.С. Савенкова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Филология. Вып. 1 (7). – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2006. – С. 155-158.

Статьи, материалы конференций, тезисы выступлений

1. Савенкова, Е.С. Система второстепенных персонажей в идейно-композиционной структуре романа Ф.М. Достоевского «Идиот»

- / Е.С. Савенкова // VIII Нижегородская сессия молодых ученых. Гуманитарные науки: [тез. докл.]. «Голубая Ока», 20-24 октября 2003 г. – Нижний Новгород, 2003. – С. 153-154.
2. Савенкова, Е.С. Тема юродства в романах Ф.М. Достоевского «Идиот» и «Бесы» / Е.С. Савенкова // Жизнь провинции как феномен духовности: Сб. ст. межд. науч. конф. под ред. Н.М. Фортунатова. – Нижний Новгород: Изд-во Вектор – ТиС, 2004. – С. 124-129.
 3. Савенкова, Е.С. Образы зверя и машины в исповеди Ипполита (по роману Ф.М. Достоевского «Идиот») / Е.С. Савенкова // Русско-зарубежные литературные связи: межвуз. сб. науч. тр. под ред. Н.М. Ильченко. – Нижний Новгород: НГПУ, 2005. – С. 125-129.
 4. Савенкова, Е.С. Мотив научного знания и образования в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» / Е.С. Савенкова // Грехневские чтения: Сб. науч. тр. – Нижний Новгород, 2005. – С. 105-109.
 5. Савенкова, Е.С. Антиромантическая концепция судьбы в образах красавиц Ф.М. Достоевского (по роману «Идиот») / Е.С. Савенкова // Романтизм: грани и судьбы: Учен. зап. НИУЛ КИПР ТвГУ. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2005. – Вып. 5. – С.124-131.
 6. Савенкова, Е.С. Сектантские мотивы в образе Настасьи Филипповны (по роману Ф.М. Достоевского «Идиот») / Е.С. Савенкова // Провинция как феномен духовности. – Нижний Новгород: Изд-во Вектор – ТиС, 2006. – С. 154-158.
 7. Савенкова, Е.С. Притча о воскресшем солдате в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» / Е.С. Савенкова // Русско-зарубежные литературные связи: межвуз. сб. науч. тр. под ред. Н.М. Ильченко. – Нижний Новгород: НГПУ, 2006. – С. 133-137.